

БОРЬБА НЕМЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ С МИНСКИМ АНТИФАШИСТСКИМ ПОДПОЛЬЕМ в 1941—1944 гг.

Подпольные организации и группы в городах и селах Беларуси начали возникать с первых же дней ее оккупации. Широкая сеть подполья действовала во всех областных и большинстве районных центров республики, во многих деревнях, селах и поселках.

Наиболее активным было Минское подполье, в составе которого самоотверженно сражались против оккупантов более 9 тысяч человек — представителей разных социальных слоев населения, 25 национальностей СССР, а также антифашисты из многих стран Европы.

История минского подполья изобилует примерами высокого героизма и глубоко трагическими эпизодами. Патриотический порыв подпольщиков, их энтузиазм и отчаянная смелость сочетались с недостаточным опытом конспирации. Поэтому изощренный враг сумел нанести несколько ощутимых ударов по нелегальным организациям города.

О деятельности Минского антифашистского, патриотического подполья написаны десятки книг, созданы несколько кинофильмов.

До их пор висит ярлык измены на Военном совете партизанского движения (ВСПД). Место этой организации в истории антиоккупационного движения определяется его статусом военной организации. Минского подпольного горкома партии с сентября 1941 по март 1942 г. В качестве таковой ВСПД участвовал в создании многих партизанских отрядов, наладил выпуск листовок, бюллетеня «Вестник Родины». Под его руководством вели подпольную борьбу с врагом почти 300 человек, главным образом бывшие военнослужащие 13-й армии.

К сожалению, подпольщики не могли в полной мере противостоять коварным действиям немецких спецслужб, изощренных в методах подавления сопротивления. Они еще только накапливали опыт нелегальной работы, овладевали навыками и приемами конспирации. Имела место и недооценка

возможностей нацистских контрразведывательных и карательных органов. Серьезные нарушения допускались членами Военного совета партизанского движения, работавшего в контакте с подпольным городским комитетом партии. Военный совет издавал письменные распоряжения, в его штабе устраивались дежурства, многие члены организации знали друг друга. Эти нарушения правил конспирации облегчали проникновение в их среду агенты противника.

Деятельность городского партийного центра – Минского комитета КП(б)Б, всего антифашистского подполья – проходила в условиях непрерывно усиливавшихся, самых изощренных акций со стороны нацистских контрразведывательных и карательных органов. Между тем, сеть подполья быстро росла, в борьбу включались все новые и новые патриоты. Но большинство из них не имело опыта, не знало правил конспирации. Не всегда проявляли бдительность и руководители подполья.

Против минских подпольщиков действовала сеть нацистских спецслужб Генерального округа «Белоруссия». Несмотря на принимаемые меры конспиративной работы, подпольщикам Минска не удалось избежать провалов.

О том, с какой интенсивностью вербовалась немецкая агентура, свидетельствует такой факт: в Минске сразу же после его оккупации в короткие сроки «Абвернебенштелле-Минск» через своих абвер-офицеров привлек к сотрудничеству 70 человек. На связи только у одного из резидентств абвера ле Лассеа после полутора-двух недель работы, находились уже около 30 провокаторов.

Одним из таких агентов-провокаторов оказался бывший шифровальщик воинской части Красной Армии Борис Рудзянко, которого абвер заслал в Минское подполье еще в сентябре 1941 г.

Во время отступления он был ранен, попал в окружения, отправлен в госпиталь для пленных. Оттуда его и еще несколько человек вызволила и долечивала на своей квартире медицинская сестра Ольга Федоровна Щербацевич. Подлечившись, воины отправлялись в лес, вступали в ряды партизан.

Рудзянко, задержанный немецким патрулем на улице, выдал оккупантам семью Щербацевичей, спасшую его от верной гибели. Потом его внедрили в лагерь военнопленных, и он помог нацистам раскрыть готовившееся там восстание. Матерый агент Б.Рудзянко продолжительное время выдавал подпольщиков нацистам.

Только после Великой Отечественной войны были вскрыты его преступные действия, и он, попав на скамью подсудимых, был полностью изобличен в предательстве и по приговору суда расстрелян.

Нацистская агентура засылалась по линии абвера, управления полиции безопасности и СД, тайной полевой полиции.

О результатах провокаторской работы «Абвернебенштелле-Минск» свидетельствует то, что нацистам с помощью своего лазутчика Б.Рудзянки удалось проникнуть в руководящий состав партийного подполья города. Разоблаченный после войны провокатор рассказал, что ему удалось выдать

абверу первый и второй составы подпольного Минского горкома партии. Работая на абвер, Б.Рудзянко удалось познакомиться с активистами подполья Хмелевским, Котиковым, Димой, а также с участниками подполья «Жаном» — Иваном Константиновичем Кабушкиным, «Дедом», Шурой, Лелей, позже с Гуриной, Конрат, связными ряда партизанских отрядов, что нанесло непоправимый урон городскому подполью и партизанским отрядам, действовавшим в районе Минска.

На допросах Б.Рудзянко показал: «О деятельности комитета, выявленных мной конспиративных квартирах я информировал работника ОКВ Ганзена, а также передавал ему листовки и другие печатные материалы, выпускаемые и распространяемые комитетом среди населения. От Ганзена получал установки по дальнейшей разработке комитета. В октябре 1942 г. с арестом членов комитета и участников организации подпольный комитет и вся организация в Минске были ликвидированы» [1].

С помощью бывшего военнослужащего Красной Армии Б.Рудзянко, завербованного полицией безопасности и СД еще осенью 1941 г., были схвачены члены подпольной группы, которую возглавляли К.И.Трус и О.Ф.Щербаевич. 26 октября 1941 г. нацисты повесили на улицах и площадях Минска 12 участников группы, в том числе Кирилла Труса, Машу Брускину и Володю Щербаевича. Это был первый удар немецких спецслужб по минским подпольщикам.

К сожалению, минские подпольщики мало считались с тем, что абвер имел опытные кадры, которые длительное время вели борьбу с противниками нацистского режима в странах Западной, Центральной и Восточной Европы. Затем их ряды пополнялись за счет агентуры непосредственно в районах деятельности абвергрупп.

Минское антифашистское, патриотическое подполье до конца своего существования не сумело преодолеть недостатки, которые имелись в его деятельности. Состав подпольных групп нередко достигал 15—20 и более человек, зачисление в группы проводилось без необходимой проверки людей, допускались грубые нарушения незыблемых и давно проверенных правил конспирации, что приводило к провалам целых организаций и групп, массовым арестам, гибели сотен и сотен подпольщиков.

Абвер совместно с полицией безопасности и СД в 1941—1942 годах заслали в Минское антифашистское подполье значительное количество своих агентов и с их помощью нанесли ему тяжелые удары.

Как видно из «Сообщения полиции безопасности и СД» № 9 и приказов комендатуры охраняемых областей Белоруссии от 5, 8 и 15 января 1942 г., советские военнопленные с помощью минских подпольщиков готовили восстание в лазаретах №№ 1, 2, 3, расположенных в клиническом городке, Политехническом институте и Институте физкультуры, а также в лагерях, находившихся на территории бывшей сельскохозяйственной выставки и на заводе имени Октябрьской революции.

По этому смелому и дерзкому плану намечалось вывести из строя телефонную связь, атаковать комендатуру охраняемых областей Белоруссии, здания охранной полиции, окружного комиссариата, штаба танковых войск,

аэродром «Восток», 1-й лазарет, все лагеря военнопленных, завод имени Октябрьской революции. Заране были составлены карты города и его окрестностей, на которых указывались военные объекты врага. В ряде пунктов было собрано оружие, которое хранилось в канализационных трубах. Была подготовлена ударная группа из 300 человек, установлена связь с партизанами, которые должны были поддержать восставших. Восстание было назначено на 4 января 1942 г. [2].

Однако в декабре 1941 г. нацистским спецслужбам через своих агентов удалось раскрыть планы подпольщиков. Начались массовые аресты. Напуганные масштабами подготовлявшегося восстания, оккупационные власти с 5 по 15 января 1942 г. объявили Минск на положении «боевой готовности». Основания для этого были веские, как официально заявила комендатура охраняемых областей Белоруссии: «если бы агентуре не удалось раскрыть заговор», то «восстание удалось бы на 100 процентов» [3].

Гестаповцы арестовали более 400 военнопленных, изъяли свыше 400 винтовок, много пулеметов, ручных гранат. С невероятной жестокостью нацистские палачи расправились с советскими патриотами. Кроме массовых арестов 18 января 1942 г. они расстреляли свыше 1000 военнопленных при транспортировке их из лагеря к товарной станции; трупы убитых трое суток оставались на Пушкинской и Советской улицах. Затем их сложили в штабеля в парке имени Челюскинцев, где они находились несколько недель [4].

При помощи агентуры и хитросплетенных провокаций немецким спецслужбам удалось дважды, в марте и сентябре 1942 г., нанести тяжелые удары по Минскому антифашистскому подполью.

Второй сокрушительный удар был нанесен объединенными усилиями оккупантов по Военному совету партизанского движения. В марте – апреле 1942 г. из-за нарушений правил конспирации в нацистских застенках оказались и погибли руководитель ВСПД И.И.Рогов, его заместитель П.И.Антохин, начальники отделов штаба П.Суровягин, А.Чижик, И.И.Толкачев, И.М.Вербицкий, Е.К.Горица, Н.Юшаков, Н.И.Иванов и другие.

Рудзянко и некоторым другим агентам абвер и СД поручили раскрыть руководство подполья. Наиболее уязвимым местом в подполье оказался Военный совет партизанского движения, который не соблюдал правила конспирации. Штаб его охранялся вооруженными людьми, а приказы и распоряжения размножались на машинке в большом количестве. В состав руководящего ядра входило недопустимо большое количество людей (до 30 человек), все они часто собирались вместе. В штабе Военного совета проводилось дежурство. Руководители совета порой открыто собирались в штабе большими группами. Велись списки членов организации.

Эти и другие грубые нарушения конспирации привели к тому, что значительное количество членов организации было лично знакомо друг с другом, знало о всех делах и планах ВСПД. Все это облегчало проникновение вражеской агентуры в среду подпольщиков-военнослужащих. Предупреждениями руководителей подполья о необходимости соблюдать конспирацию руководители Военного совета пренебрегали.

Этим и воспользовались немецкие спецслужбы. Они выкрали у машинистки штаба списки подпольщиков, связанных с Военным советом партизанского движения. В марте 1942 г. начались массовые аресты.

Поначалу Военный совет был настоящей подпольной организацией, которую возглавляли командиры и комиссары Красной Армии, к сожалению, не знакомые с правилами конспирации. Организация слишком разрослась, о ее деятельности знало чуть ли не пол-Минска. Дошло до того, что у дома, где размещался штаб Военного совета, открыто выставляли часовых, которые проверяли документы у приходивших туда рядовых подпольщиков. Очень быстро об организации узнали в минском гестапо. Руководители Военного совета были арестованы и купили себе жизнь ценой предательства. Теперь уже под контролем гестапо они направляли подпольщиков якобы в партизанский отряд, по дороге полиция останавливала грузовики, и их пассажиры попадали в тюрьмы и в концлагерь. В результате были арестованы и расстреляны сотни подпольщиков и разгромлены несколько партизанских отрядов [5].

Руководители ВСПД И.И.Рогов, П.И.Антохин, попал в руки нацистов, изменили Родине и стали на путь сотрудничества с немецкими спецслужбами. Вот что вспоминал в августе 1944 г. минский подпольщик Георгий Георгиевич Марцинковский: «...Так пронисал капитана Рогова, у которого был грубо подделанный паспорт, и он с ним мог легко попасться...

Рогов намечал грандиозные задачи: объединить в Минске всех большевиков, все советское, что может противостоять захватчикам. У меня с первых дней с Роговым были большие противоречия, я указывал ему, что необходимо законспирировать руководителей организации; говорил, что считаю преступлением без соответствующих конспиративных приемов проводить учет большевиков и всех советских людей в Минске; указывал, что прямым нарушением конспирации являются прием на квартире десятков людей, проведение собраний.

Рогов был прописан у меня, а я жил в доме отца моей жены Петра Степановича Олейника, впоследствии повешенного немцами. Он работал совершенно открыто, не подозревая тонкой тактики гестапо, которое первые дни никого не забирало, совершенно ясно почему: чтобы не испугать, не насторожить...

Весной 1942 года произошел кровавый разгром организации Военного совета. Были повешены 100 человек и больше 200 человек расстреляны. Рогова арестовали не первым. Со слов, дело было так: арестовали парня лет 18 из их организации, который нес листовки. Парень не выдержал пыток. Ему выбили глаз, и он все рассказал – указал штаб Рогова на квартире моего тестя.

Рогова после ареста через несколько дней выпустили. Ясна его ужасная роль. Он ходил по улицам, с кем заговорит, того забирают переодетые гестаповцы, которые идут сюда Рогова. Мое крыло ушелло благодаря осторожности. О моей группе знали только Олейник и Герасимович. Они погибли, но не выдали ни одного товарища...» [6]. 10 апреля 1959 г. капитан госбезопасности при Совете Министров СССР Александр Матвеевич Гвоздев

написал открытое письмо в ЦК Компартии Белоруссии. В нем говорилось: «В январе 1942 года 4-м управлением министерства госбезопасности СССР меня с группой в четыре человека направили на территории оккупированной Белоруссии с заданием по разведке в тылу противника...

Мне в Москве дали два человека – коренных жителей Минска – Владимира Волкова и Николая Ключко и три конспиративные квартиры...

С самолета прыгал последним. На сборном пункте Волкова не оказалось. Двигались 18 суток. В Волчковичском лесу оставил рацию, а сам пошел на разведку в Минск. Свой отрыв от нас он объяснил случайностью, чему я, откровенно говоря, не поверил и запросил Москву – как мне с ним быть. Москва ответила: доверять, он наш человек...

Но нельзя обойти такой вопрос, как предательство в Минске. Волков без моего ведома связался, как он говорит, с подпольной организацией города, ее руководителем, неким Роговым, доверился ему и просил меня с ним познакомиться. Прежде чем встретиться с Роговым, я запросил Москву – как мне поступить. Там еще раз подтвердили, чтобы я верил Волкову. Меня подкупило его сообщение о том, что Рогов имеет в своей организации остатки разбитых десантных групп, ранее заброшенных Москвой. И действительно, он представил мне три человека, которых я знал по Москве...

На встречу с Роговым во второй раз я пошел один. В переулке, кроме него, не было видно ни одной души. Это меня смутило, но все же, подойдя к Рогову, пытался с ним поздороваться, протянув ему руку. Он мне руки не подал. Я сообразил, но было поздно. Из калитки выскочили человек семь в гражданской одежде с оружием и схватили меня...» [7].

Александр Гвоздеву чудом удалось бежать и попасть в партизанский отряд капитана Никитина. Когда он прибыл в Москву с докладом, то был задержан органами госбезопасности. Началось следствие. Гвоздеву не верили, что он убежал из гестапо. Однако обвинить его было трудно. Когда на Лубянке провели очную ставку с членом Минского подпольного горкома партии А.Л.Котиковым, тот дал показания против Гвоздева, и решением Особого совещания его отправили в лагерь.

Гвоздев долго добивался пересмотра дела, зная, что не виноват. В конце концов Военный трибунал Белорусского военного округа реабилитировал его. В суде снова опрашивали Котикова. Он от своих прежних показаний отказался, заявив, что все их давал под нажимом следователей.

Что касается руководителя ВСПД Ивана Ивановича Рогова, то, как свидетельствуют документы архива, он погиб весной 1943 г.

Весной 1942 г. была арестована и часть членов Минского подпольного горкома партии. 27 марта один из организаторов и руководителей Минского антифашистского подполья И.П.Казнец при попытке уйти в партизанский отряд был схвачен сотрудниками СД на одной из явочных квартир у Западного моста. Вместе с ним в нацистских застенках оказались и погибли члены комитета Г.М.Семенов, С.И.Зяц, активные подпольщики А.Ф.Ардт, Г.В.Глухов, А.Л.Зубковский, С.И.Ковалевский, О.С.Куприянова и другие.

Из документов немецких спецслужб известно, что в марте-апреле 1942 г. схвачены 404 человека. В сообщении полиции безопасности и СД говорилось: «9 мая 1942 г. в городе Минске были публично казнены через повешение 28 участников партизанской организации Белоруссии. В тот же день был расстрелян еще 251 человек... В Минске была проведена кампания против группы на железной дороге, в ходе которой было арестовано 126 человек» [8].

Пока не имелось типографии, подпольщики в мае 1942 г. размножили патриотическое письмо минчан, полное веры в торжество правого дела советского народа. Под этим пламенным текстом участники минского антифашистского подполья собирали подписи минчан.

Один экземпляр патриотического письма минчан попал в абвер. Его передал туда Рудзянко. Предателем поручили найти автора. Он узнал имя, но не знал фамилии. Нацистские спецслужбы Минска все же установили личность Владимира Омелянюка. 26 мая 1942 г. он был подло застрелен на улице.

К сентябрю 1942 г. нацистская контрразведка постепенно раскрыла основной состав городской подпольной организации. В ночь на 26 сентября 1942 г. начались аресты, продолжавшиеся до конца ноября 1942 г. Были схвачены и брошены в застенки СД члены Минского комитета партии Д.А.Короткевич, В.К.Никифоров, К.И.Хмелевский, секретари городских райкомов партии Н.Е.Герасименко, И.И.Матусевич, Н.К. Корженевский, Н.А.Шугаев, сотни других подпольщиков.

Вражеская контрразведка с тревогой отмечала растущую активность Минского подполья. И не только отмечала эту активность, но и стремилась наносить ответные удары.

Группа Викентия Шатько (подпольные клички Виктор, Огнев) начала взрывать в самом Минске, а чаще всего где-то в пути вражеские эшелоны. Расследование, которое проводили нацисты после каждого крушения воинского состава, приводило их к выводу: диверсанты действуют в Минске на железнодорожном узле среди тех, кто обслуживает поезда, имеет доступ к ним. Каждый факт — новая нить к исполнителям диверсий. Круг сужался и наконец замкнулся на Шатько и его товарищах. Их схватили, жестоко пытали и казнили.

А диверсии продолжались уже другими людьми. Полиция безопасности и СД, абвер, криминальная полиция — все карательные органы расширяли свою паутину, в срочном порядке готовили агентуру и поручали ей поглубже проникать в подпольные организации, выявлять всякого сочувствующего Советской власти.

В смертельной схватке сошлись изощреннейшая в провокациях контрразведка и профессионально не обученные, в ходе борьбы набравшиеся опыта подпольщики. В руках одних все преимущества власти, у других — только энтузиазм и безграничная вера в правоту дела, за которое боролись.

Самым хитрым и коварным оказался агент абвера Б.Рудзянко. Спасая свою шкуру, он вел двойную игру, пробрался в состав Октябрьского подпольного райкома партии, выявил ряд членов горкома. Видимо, не одного его абверовцы внедрили в подполье. Подлую роль сыграл и Анатолий

Филипенюк, много знавший о подпольщиках. Словом, немецким спецслужбам удалось умело выявить и весь состав подпольного горкома, и подпольные райкомы, и методы их работы.

Третья волна массовых арестов участников Минского антифашистского подполья произошла из-за нарушения правил конспирации в результате проникновения в его ряды нацистской агентуры. Аресты подпольщиков продолжались с 25 сентября по 20 октября 1942 г. В ноябре 1942 г. аресты возобновились. В тюрьмах очутилось более 150 человек, в том числе все члены Минского подпольного горкома партии (А.Л.Котиков бежал из-под ареста), секретари городских райкомов партии, руководители подпольных партийных, комсомольских и патриотических организаций и групп, активные участники борьбы против оккупантов. Большинство из них погибло в тюрьмах и лагерях смерти. Лишь некоторой части активистов удалось скрыться.

Нацисты пытали арестованных подпольщиков огнем, электрическим током, голодом, лишали воды, истязали, устраивали всевозможные провокации. Патриоты держались стойко. Даже в таких условиях они продолжали борьбу с врагом. Большинство схваченных нацистами участников подполья погибло в застенках немецких спецслужб. Но борьба против оккупантов не прекращалась ни на один день.

Нацистские оккупационные власти с беспокойством констатировали: «Настроение широких масс населения если не на сто процентов отрицательное, то все же холодное, равнодушное. На некоторых предприятиях, в особенности на хлебозаводе “Автомат”, обувной фабрике, выявлено широкое коммунистическое влияние среди рабочих».

В другом немецком документе подчеркивалось: «Вечером 21 октября (1942 года. — Э.И.) неизвестные лица расклеили в 300 местах г. Минска плакаты, отпечатанные ротаторным и типографским способами, содержащие обычные угрозы против фашизма и призывы к белорусскому народу поддерживать партизан и совершать акты саботажа» [9]. Это была листовка «К населению Белоруссии», написанная от имени Минского комитета КП(б)Б и командования Н-ской партизанской бригады и датированная 27 октября 1942 г.

После сентябрьского провала 1942 г. подпольный городской партийный центр в самом Минске больше не восстанавливался.

Не добившись от арестованных подпольщиков желаемых результатов на допросах, немецкие спецслужбы распространили в газетах, выходивших в Минске, клеветнические измышления о якобы согласии секретаря подпольного горкома партии И.К.Ковалева сотрудничать с немецкими властями. К сожалению, «вестям» без должных контрмер поверили отдельные ответственные руководители органов НКВД-НКГБ СССР, Центрального штаба партизанского движения, ЦК КП(б)Б. Не были учтены положительные отзывы о Ковалеве других подпольщиков, партизанских связных, людей, находившихся вместе с Ковалевым в тюрьме, в камере смертников. Этот негатив о Ковалеве, о людях, с которыми он встречался, содержится, в частности, в одном из отчетов Л.Ф.Цанавы относительно покушения на Кубе.

Уцелевшие от арестов минские подпольщики через партизанских связных установили непосредственные контакты с подпольными райкомами партии и партизанскими отрядами и бригадами и по их заданиям продолжали наносить удары по врагу.

Наиболее колоритной фигурой нового этапа героического Минского антифашистского подполья (октябрь 1942 года – октябрь 1943 года) был комсомолец Захар Захарович Гало, который активно действовал с первых дней оккупации Минска. Большую помощь подполью он оказал в качестве секретаря бюро пропусков городского комиссариата. Кипучая деятельность отважного подпольщика З.З.Гало достойна отдельной книги. Она была прервана внезапно. 26 октября 1943 г. Гало и его товарищей предали хозяин явочной квартиры Виктор Вериго и Петр Лагуновский (Максим-усач), завербованные СД. В руки нацистов попали Захар Гало, Надежда Ермалович, Виктория Алегчева, Екатерина Васюкевич и другие. Партизанам удалось быстро выявить и уничтожить предателей. Удалось скрыться только сыну Лагуновского – жалкому прислужнику оккупантов.

2 февраля 1943 г. закончилась Сталинградская битва. После капитуляции 6-й полевой немецкой армии под командованием генерал-фельдмаршала Фридриха фон Паулуса в Германии был объявлен трехдневный траур – с 3 по 5 февраля. В первый день этого траура нацистские оккупанты повесили на минском стадионе «Динамо» 10 подпольщиков и около 15 отвезли в Тростенецкий лагерь смерти. Исследователь К.И.Доморад полагает, что среди повешенных были секретарь Минского подпольного горкома КП(б)Б И.К.Ковалев, члены подпольного горкома партии Д.А.Короткевич, В.К.Никифоров, старые коммунисты С.В.Сержанович и А.А.Триандафиллов [10].

Начало 1944 г. характеризовалось дальнейшим развитием и укреплением Минского антифашистского подполья, усилением его политической и боевой деятельности.

Большое значение для повышения организованности и эффективной подпольной работы имело воссоздание осенью 1943 г. горкома партии (секретари С.К.Лещеня, И.П.Паромчик, Г.Н.Машков), который стал осуществлять непосредственное руководство Минским подпольем, направлять и координировать его деятельность с учетом задач, вытекавших из новой обстановки.

Горком располагался недалеко от Минска, в районе деревни Заречье Руденского района. Однако зачастую по соображениям безопасности, сознавая активную деятельность нацистских спецслужб, приходилось оставлять эту базу, перебираться в другие места, в леса возле деревень Песчанки, Горелец, Липники.

Подпольщикам приходилось вести борьбу в условиях еще более ужесточившегося кроваво-террористического оккупационного режима. Осатаневшие от злобы немецкие спецслужбы устраивали настоящую охоту за патриотами, использовали для этого весь свой арсенал изощренных средств. В начале 1944 г. волна репрессий вновь обрушилась на подпольные

организации и группы, десятки советских патриотов стали жертвами карательных органов оккупантов.

Нацисты схватили многих активных членов подпольных групп на железнодорожном узле, в том числе П.Д.Баранова, П.П.Бачило, Ф.С.Новицкого, С.С.Русецкого. В феврале 1944 г. СД арестовало руководителя подпольной группы на химфармзаводе О.Я.Вержибицкую, подпольщиков завода имени К.Е.Ворошилова М.К.Ахрамович, А.П.Манчиводо, затем руководителей групп О.Ф.Дерибо, Н.К.Исаченко, П.П.Оседовского, связанных горкома партии К.А.Русееву, М.Г.Хмелевскую и других. Патриоты подвергались самым изощренным пыткам и погибли в застенках СД. Большое их число было угнано в нацистскую Германию.

Таким образом, несмотря на героизм, мужество и определенные методы конспирации подпольщиков, нацистские спецслужбы нанесли существенный урон Минскому антифашистскому подполью в 1941—1944 годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловьев, А.К.* Они действовали под разными псевдонимами. – Минск, 1994. – С.35—36.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4386. – Оп.1. – Д. 12. – Л. 19, 23—24.
3. Там же. – Л.20.
4. Там же. – Фонд 4085. – Оп.1. – Д.1. – Л.5.
5. *Соколов, Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. – М., 2002. – С.94.
6. *Вечерний Минск.* 2002, 1 авг. – С.3.
7. Там же. 2002, 17 окт. – С.3.
8. НАРБ. – Фонд 4386. – Оп.1. – Д.11. – Л.129.
9. Там же. – Л.131.
10. *Доморад, К.И.* Партийное подполье и партизанское движение в Минской области. 1941—1944. – Минск, 1992. – С.132.